

*Моей дорогой биби Дил-джан.
Я люблю тебя. И буду любить всегда*

Часть 1

Открытие

— Сара-джан, ты слышишь эту песню? Она у меня самая любимая. Ее пел мне отец. Давай покажу, как танцевать под нее. Руками двигаешь вот так. И не забывай улыбаться. Я так и не смогла забыть ту улыбку.

*Разговор с биби-джан.
Один месяц после диагноза*

Глава 1

Воспоминаний очень много.

Мне семь лет, я цепляюсь за края повязки, что щекочет глаза, а летнее солнце щедро льет на меня обещания прекрасных жарких дней.

Мне десять лет, и начинает казаться, что я слишком потопилась снять повязку.

Мне двенадцать, и я мечтаю о темноте.

Мне пятнадцать, и я не знаю, как опять включить свет.

Настоящее и прошлое переплелись так плотно, что не осталось ничего.

И все окончательно исчезло.

* * *

Странное дело. Есть вещи, которых люди не забывают никогда.

Возьмем, например, мою биби-джан.

Моя бабушка ни разу в жизни не выходила за порог, не подведя брови темной краской. И не приближалась к мужчине, не прикрыв гладким черным платком волосы и сдержанную улыбку. И не выпускала меня из дома, пока настрою

не накажет спрятать ноги, как подобает порядочной афганской девушке.

Я отпиваю глоток чаю из чашки, чтобы скрыть усмешку. Потому что это и впрямь забавно — с нами остаются лишь мелочи. А все важное ускользает сквозь трещины.

Ложка со стуком выпадает из пальцев биби-джан. На поношенной цветастой пижаме остаются крошки вареного яйца. Резким контрастом с ними сверкает ожерелье из золота с сапфирами на шее у бабушки. Я крепче сжимаю чашку. Сидя в кресле, биби наклоняется поднять ложку с пола. Ее суровое лицо, осунувшееся и при этом опухшее, оборачивается ко мне в десятый раз за утро. Взгляд, полный замешательства, скользит мимо меня.

— Ки асти? — спрашивает она.

«Кто ты?»

У меня сжимается горло, но я уверенно натягиваю сияющую улыбку — «все хорошо».

— Я Сара. — Стараюсь раскатисто произнести «р» и сделать «а» помягче. — Твоя внучка.

Но моя биби-джан качается на волнах, ища глазами шлюпку, которая доставит ее к берегу.

— Ки?

«Странное дело, — думаю я, снимая очки. — Мелочи, которые вроде бы совсем не важны». Я распускаю пучок на затылке и встряхиваю волосами. «И все-таки». Смахиваю жгучие слезы, опять улыбаюсь и всматриваюсь в ее расплывчатое лицо. Темные волосы аккуратно зачесаны назад и уло-

жены в небольшой пучок. Возле пробора видны белоснежные корни.

Под ее оценивающим взглядом стараюсь дышать ровно. Считаю уходящие секунды, перебирая пальцами бусины на своем потертом браслете. Считаю и вспоминаю.

Один, два, три...

Я едва вышла из младенческого возраста, и биби-джан в своей постели поет мне колыбельную.

Четыре, пять, шесть...

Я дошколонок, и биби-джан отгоняет меня от стола, накрытого к завтраку. Эта игра бесконечна: «Перед едой вымой лицо и руки, а то...»

Семь, восемь, девять...

Я пошла в школу, и умер баба-джан. На похоронах крепко сжимаю сухую, как бумага, бабушкину руку.

Десять, одиннадцать...

— Ах, моя Сара-джан... — Она склоняется ближе. Ее фарси звучит как песня, которую я никогда не забуду. Эта мелодия звучит в самых дальних закоулках сердца. — Такая красивая девочка с таким красивым именем...

— Лучшее имя на свете, правда, биби-джан?

Она смеется, соглашаясь, и моя улыбка становится искренней. Потому что из сорока одного внука, двадцати девяти правнуков и трех праправнуков только меня назвали бабушкиным именем.

Я хочу увидеть, как лучится ее улыбка, как она сияет не на губах, а в морщинистых уголках глаз. Жду еще немного, а потом опять надеваю очки. На всякий случай.

— Эрик, не забудь проверить контейнеры для мусора. Они должны быть готовы к понедельнику. — Из коридора появляется моя мадар. В вихре духов и свежего маникюра. Разговаривая с невероятной скоростью, пролетает мимо кресла биби в кухню. Мимоходом бросает улыбку в сторону биби, за рекордное время осушает кружку кофе и ставит ее в раковину.

Каждое утро рядом с Наргиз Аmani проходит непредсказуемо. словно при игре в кости. Никогда не знаешь, какая грань выпадет.

Я торопливо проглатываю чай, надеясь, что сегодняшнее настроение будет «Сара, давай забудем про рабо...»

— Идем, — шепчет мне мама одними губами.

Я картинно вздыхаю. Госпожа Удача опять прошла мимо меня.

— Ки асти? — Биби-джан смотрит на маму, и ложечка в ее руках опять застывает в воздухе. Но в эти дни голос биби подобен шепоту, как будто в глубине души она понимает, что от величественной женщины, какой она была всегда, осталась лишь бледная тень.

Мадар ее не слышит.

— Прекрасно. Я заеду позже обсудить кое-что еще, — говорит мадар в телефон. — До скорого.

Щелк.

Биби-джан зачерпывает еще немного яйца всмятку и пронесит сантиметров на семь мимо рта. Ложка падает чуть ли не мне на ноги.

— Кто она? — Биби прищуривается и барабанит пальцами по губам, словно ответ вертится на кончике языка.

Я указываю на мадар и склоняюсь к единственному здоровому уху бабушки, почти касаясь его губами. Будь это пару лет назад, биби пошутила бы: «Я еще слишком молода для слуховых аппаратов».

— Твоя дочь.

Биби-джан все так же внимательно смотрит и качает головой. А всего через мгновение опять откидывается на спинку кресла и погружается в океан своих мыслей.

— Сара, нам сегодня нужно посмотреть много домов. — Мадар целует биби-джан в макушку и выбегает из кухни к машине. Раздается звонок по блютузу. Мысли мадар улетели далеко-далеко.

Хочется сказать ей: «У меня все хорошо, спасибо, что спросила».

Хочется, чтобы она заметила и поинтересовалась: «Биби-джан сегодня причесалась сама?»

Но у меня не хватает смелости.

Вместо этого я оставляю свое вареное яйцо нетронутым, обнимаю бабушку, забегаю в свою комнату, хватаю фотоаппарат, выскакиваю. Дверь захлопывается, и я горько хмурюсь, слыша прощальные слова бабушки. Они превращают меня из любимой внучки в пустое место.

— Ки асти?

* * *

Ровно год назад мы с мадар заключили договор. Стояло лето, я переходила из средней школы в старшую, жизнь постепенно

возвращалась в норму после вируса, отправившего полмира в локдаун. За несколько месяцев социального дистанцирования я набрала лишний вес на жареной картошке и «спрайте», запоем пересмотрела все серии «Код Гиас», «Хайкю!!», «Инуяся» и «Токийского гуля». Мадар была убеждена, что я умру от передозировки нездоровой пищи и недостатка витамина D, что, признаю, было бы весьма реальным исходом.

Ее афганская натура была потрясена полным отсутствием у меня амбиций, поэтому, когда локдаун закончился, она взяла на себя обязанность, так сказать, разжечь пламя и назначила меня главной по соцсетям и технической поддержке нашего семейного бизнеса. Его суть в том, что мы покупаем старые дома, ремонтируем и перепродаем.

На самом деле я была восхваляемым и (ключевое слово) бесплатным фотографом.

Мадар называла это инвестицией в мое будущее через воспитание интереса к сохранению семейного бизнеса.

Я же считала, что мы наживаемся на несчастье других людей, но эту дискуссию лучше отложить до другого раза.

Я пролистываю снимки в своей камере, удаляю некоторые, чтобы освободить место. Накопилось чересчур много селфи и неудачных танцевальных номеров, их суть я лучше не буду объяснять. Щелк. Удалить. Я грызу ногти, и мадар возмущенно закатывает глаза. Останавливаюсь, дойдя до сделанного скрытой камерой симпатичного снимка — биби-джан прибирается в своей комнате. Глядя на него, улыбаюсь.

Наша машина, петляя, мчится по скрытым в зелени изви-
листым дорогам восточного Лонг-Айленда, который моя ма-
ма и ее семья — все десять сестер и один брат — вот уже со-
рок лет называют своим домом. Когда они переехали, маме
было всего тринадцать.

Иногда я спрашиваю у мадар, каково это — сорваться с ме-
ста и начать с нуля в чужой стране.

Иногда мне тоже хочется проделать это.

Убежать и начать заново где-нибудь еще.

«Мы убежали от войны, джан», — обычно напоминает она
мне.

В машину врывается ветер, и я ловлю себя на мысли: «Я то-
же убегаю от войны».

— Закрой, пожалуйста, окно. Шум мешает. — Мадар резко
поворачивает влево, и моя камера едва не вылетает из рук.
Навигатор заново прокладывает маршрут. — Он велел мне по-
вернуть буквально вот здесь. — Мама возится с ним и на пару
секунд заезжает не на ту полосу. Встречная машина сигналил.

— Если не возражаешь, я бы хотела переварить свой за-
втрак в более спокойных условиях. — Камера падает между
моими потрепанными кроссовками. Оставляю окно открытым.
Вообще-то я не склонна к бунтарству, но, боюсь, меня вывер-
нет, если еще хоть секунду буду без свежего воздуха терпеть
мамину манеру вождения.

Но вскоре мадар забывает об окне: мы останавливаемся
возле полуразрушенного дома. Дважды моргаю. Это место
мне незнакомо.

— Кто оставил после смерти такое запустение? — хмурюсь я. — Это даже не в Сентерпорте. — Замечаю вывеску. На ней написано: «Самнер-Корт».

— Сделали небольшой крюк. Мы его купили всего несколько дней назад. — Мадар заглушает мотор. — Давай зайдем, посмотрим, с чем предстоит работать.

Я вжимаюсь в сиденье. Терпеть не могу фотографировать дома в первый день.

— А там не опасно? — Я отстегиваю ремень и выхожу из машины. Подношу камеру к глазам и быстро делаю три снимка. Дорожка, двор, фасад дома. Как профессионал, скажу без ложной скромности.

— Конечно, не опасно. — Мадар отправляет короткое сообщение и радостно потирает руки. — У нас на этот дом большие надежды. Если починим его быстро, это нам здорово поможет. Пойдем.

В трещинах асфальта пыльным цветом пестрят одуванчики и другие сорняки. На некогда белых рамах заколоченных окон облупливается краска. Над входом изгибаются высокие арки, фундамент тонет в буйно разросшихся кустах и лозах. В свои лучшие времена дом, наверное, был красив.

Мне становится интересно, что случилось с прошлыми владельцами. Почему они потеряли этот дом?

За частично заколоченными окнами второго этажа мне чуждятся тяжелые взгляды. Ржавые чугунные ворота открываются со скрипом, и у меня по ногам бегут мурашки. Поднимаю глаза — никого нет, но ощущение чужих глаз не отпускает.

— Знаешь, именно так начинаются все фильмы ужасов на «Нетфликсе». — Я покачиваюсь на пятках и решаю подождать в машине. — Может, я лучше... — Ладонь лежит на ручке двери, надо лишь... Машина гудит. Заперта. — Не лучше.

— Не будь младенцем, — бросает мадар и спешит по извилистой дорожке к парадной двери.

По дорожке я осторожно приближаюсь к шаткой веранде, и на меня падает тень. Дом очень большой, еще немного — и мог бы считаться особняком. С подъезда осыпается серая краска, на пути к парадной двери приходится перепрыгивать через прогнившие доски.

Пальцы касаются ржавого дверного звонка, и в этот миг через приоткрытую дверь в широкий вестибюль врывается узкий луч света. На мраморном полу расцветают радуги. Луч бежит вверх по лестнице к частично открытому второму этажу. Между щелястыми перилами и одинокой люстрой, покачивающейся высоко вверху, лениво парят серебристые паутинки.

«Держись подальше, — предостерегает одинокий голос, знакомый, но чужой. — Пока тебя не заманили в силки». Я застываю, еще не переступив порог. Что это было?

— Где ты там застряла? — звенит откуда-то издалека голос мадар. — Ого! Смотри, какая тут терраса! Приведем в порядок — будет очень красиво.

— Гм. Что за история у этого дома?

— Заброшен, — откликается она. — Поторапливайся, нам сегодня еще три дома надо посмотреть.

Час от часу не легче.

— Что случилось с владельцами?

Мадар не отвечает. Она уже куда-то ушла. «Я справлюсь. Справлюсь». Собираю нервы в кулак и, сосчитав до трех, вхожу в дом.

Можете обвинить меня в суеверности, можете обозвать дурой, но я верю, что в этих старинных домах сохранилась история. Чувствую ее, когда слышу эхо своих шагов по истертому кафелю, когда пальцы скользят по стенам, овеванным чьей-то любовью, когда вхожу в зал со сводчатым потолком и камином. Это началось десять лет назад, когда родители только начали покупать и продавать дома. Я была совсем маленькой и от скуки бродила по ветхим коридорам, придумывала лица и истории, заполняя пробелы в объяснениях банковских агентов по недвижимости.

Мы с родителями даже придумали игру. «Расскажи, что ты чувствуешь», — со смехом спрашивал падар, пока мадар обмеряла комнаты, составляя планы и думая, как воплотить в жизнь их совместные надежды и мечты. Но все изменилось полтора года назад, когда падар съехал от нас, оставив эти планы медленно гаснуть в небытии. Так что теперь я лишь фантазирую.

— Расскажи, что ты чувствуешь, — бормочу я роскошной пыльной комнате.

Наваливается тяжесть, словно здесь зависла... чья-то меланхолия. Я умолкаю. И снова чувствую пристальные взгляды. Под ногами скрипит деревянная половица, и воцаряется

тишина. «Возьми себя в руки, ты это проделывала уже тысячу раз». Сглатываю подступивший к горлу комок и продолжаю делать снимки.

Мадар считает, что составление фотоподборок до и после ремонта привьет мне интерес к семейному делу. На самом деле, мне кажется, что мое присутствие на рабочих площадках помогает ей заполнить душевную пустоту, появившуюся после ухода папара.

Я иду дальше обследовать дом. Доски на больших окнах наполняют тьмой открытое пространство гостиной. Дальше — пустая кухня, где плита и холодильник выворочены с корнем. Отсюда наружу ведут застекленные двери, и я вижу, как мама осторожно ступает по огромной террасе, на каждом шагу пробуя скрипучие доски.

Воздух сгущается, ложится тяжелым грузом, не давая дышать.

История ощутима...

Громкий треск и мамины крики.

— Мадар! — Я срываюсь с места и выскакиваю из дверей на террасу.

Доски все-таки не выдержали, и она провалилась левой ногой. Хватаю мадар за руки и тяну. Ее джинсы порвались, лодыжка оцарапана до крови.

— Зачем ты сюда вышла? Эта конструкция могла давным-давно обвалиться!

Мы пробираемся обратно в дом, и мадар прислоняется к кухонному острову. Хмурясь, откидывает волосы с лица.

— Только этого не хватало, — бормочет она, закатывая штанину и осматривая рану. — Ладно, не так уж плохо. Всего лишь царапина. — Пожимает плечами. У нее звонит телефон, и она как ни в чем не бывало прижимает трубку к уху. — Эрик, погоди секунду. — Переводит взгляд на меня. — Пойди посмотри, нет ли тут чем забинтовать. Промою в раковине.

Я с отвисшей челюстью смотрю, как мама легко и непринужденно промывает рану. Она что, не боится ни ржавчины, ни бактерий? Мало ли что могло завестись в этих трубах.

— Я бы на твоём месте не рискнула промывать этой водой. — Но, наткнувшись на пылающий мамин взгляд, пячусь и удаляюсь по коридору в барный закуток. Открываю шкафы и чуть не вскрикиваю: оттуда вываливаются и разбегаются по полу тараканы. Какая гадость.

— Если не хочешь подцепить инфекцию, надо ехать в магазин.

Стряхиваю с ботинка мелкого таракана. Хоть сейчас готова вернуться в машину и уехать подальше из этого кошмарного дома.

Слышу тихие шаги, за ними — робкие трепещущие раскаты барабана.

— Эй!

Звук доносится из-за спины, ведет меня по коридору в затемненное крыло дома. Барабанный ритм продолжается.

— Есть тут кто?

Ответа нет. По рукам бегут мурашки.

— Знаете ли, проникновение в чужой дом считается уголовным преступлением! — кричу я в темноту. Сворачиваю в коридор, изогнутый буквой Г.

Ответа по-прежнему нет.

Заглядываю в первую комнату налево — ванная. Пусто. Щелк. Снято.

За углом еще одна комната, в ней узкая кровать, вся в пятнах. На полу разбросана старая одежда. Никого нет.

За спиной эхом раздается смех.

Я резко оборачиваюсь.

— Это частная собственность.

Мой голос дрожит. Коридор опять изгибается и растворяется в крошечной темноте. Барабаны звучат громче.

Ноги подкашиваются. Оглядываюсь туда, где свет, где ма-дар все еще говорит по телефону. Метнуться бы к ней со всех ног.

«Свет сердца моего, танцуй», — снова и снова поет голос, который я уже слышала. Рокот барабана трепещет в воздухе, легким звоном вступает другой инструмент. Меня тянет в темноту, ноги сами собой идут в ту сторону, и вот уже нет ничего, только я, мое бешено бьющееся сердце да гул барабана.

Я настраиваю вспышку и автотаймер своей фотокамеры. Щелк. Снято. Взрыв света. С потолка густым тошнотворным облаком сыплется пыль, я вскрикиваю, но не из-за этого. Отскакиваю, спотыкаюсь обо что-то на полу, тяжело падаю. Камера куда-то улетает.

Щелк. Вспышка.

Гул барабана нарастает.

Голос продолжает петь.

Свет камеры выхватывает одинокую фигурку, стремительно кружащуюся в танце. Женщина. Волосы темные, вьющиеся. Подол шитого бисером сине-золотого платья хлещет по бедрам. Шею сжимает толстая золотая цепочка, унизанная сапфирами.

Я визжу как резаная. Женщина останавливается, спрятав лицо за темными руками. Барабан еще сильнее ускоряется, и я осознаю, что стучит не барабан — это бешено колотится мое сердце, сковывая горло, не давая дышать.

И медленно, очень медленно фигура поворачивает голову, ведет рукой, и я в бессильном крике гляжу в призрачное молодое лицо, знакомое мне лишь по старым фотографиям.

Моя биби.

Глава 2

— Что случилось?

В комнату врывается мадар. В тот же миг женщина исчезает.

— Т-т-там была женщина. — Я дрожащей рукой показываю в угол, глядя немигающими глазами в пустоту вокруг нас.

— Сара, никого тут нет. — Мадар, прищурившись, обводит взглядом темную комнату. — Только пыль да клопы. — Смотрит на меня, и ее лицо смягчается. Я не двигаюсь с места, и она склоняется ко мне, от нее веет теплом. — Ты просто испугалась. — Гладит меня по щеке, мокрой от пота, осторожно помогает встать с пола.

Я понимаю, что это было.

— Она танцевала, — шепчу я и пытаюсь вырвать локоть из маминых пальцев. — Она... — «Она похожа на биби».

— Иногда старые дома могут сыграть с нами странную шутку, — говорит мадар. — На самом деле ничего особенного в этом нет.

— Тут кто-то был. — Я отдергиваю руку. — Я не малышка. И понимаю, что это было.

Мадар, не слушая, отряхивает пыль с моей спины, но ее ястребиный взгляд устремлен туда, где танцевала женщина.

На миг кажется, что она мне верит. Она глубоко втягивает воздух, щиплет себя за переносицу.

— Понимаю, сейчас все идет... не так, как надо, но, если ты хочешь привлечь мое внимание, не обязательно выдумывать сказки. — Она неуверенно умолкает. — Учитывая, что происходит у нас с твоим отцом...

— Не нуждаюсь я во внимании. — Я надеваю на лицо привычную сердитую маску и пролистываю снимки на камере. Где-то там должно быть доказательство.

Но ничего нет. Только пустота.

— Ну ладно. Мне надо на воздух.

Я бреду по коридору, через парадные двери выхожу в духоту, на солнечный свет. Дергаю дверь машины, но она заперта. Ну конечно. Теперь я как дура буду поджариваться под июньским солнышком.

Что знает мадар о моих чувствах? Или тем более о том, что мне нужно, а что нет? Я уже много лет не нуждаюсь в ее внимании.

С тех пор как падар забрал свою долю из семейного бизнеса и ушел.

С тех пор как мадар отстранилась, оставив меня одну разбирать последствия их войны.

Из дома появляется мадар — легкая дымка хайлайтера на загорелой коже. Торопливым взмахом руки прикрывает глаза. Надевает солнечные очки.

Машина отпирается.

Не дожидаясь, пока она скажет мне что-нибудь еще, я плюхаюсь на сиденье. Мадар усаживается в свое кресло. Ее почти

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru